

**И. Б. Байханов**

кандидат политических наук, председатель  
Избирательной комиссии Чеченской Республики, Россия  
ismail.67@mail.ru

## ВЫБОРЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОСВЯЗИ

**Аннотация.** В статье проанализирована взаимосвязь между революционными действиями и выборами в историческом контексте. Показано, что события последних двух лет, связанные с проведением выборов в разных странах, вызвали к жизни новые тенденции, отражающие усложнение связи избирательного процесса и социального протеста. Выделены современные тенденции сопряженности выборов и массовых протестных акций, которые проявились в 2011–2012 годах в мировом политическом пространстве. Особое внимание уделено роли электронной демократии в реализации конфликтного потенциала общества в период выборов.  
**Ключевые слова:** выборы, социальный протест, политические партии, революция, электронная демократия.

**I. B. Байханов**

кандидат політичних наук, голова Вибірчої комісії Чеченської Республіки, Росія

**ВИБОРИ І СОЦІАЛЬНИЙ ПРОТЕСТ: ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКУ**

**Анотація.** У статті проаналізовано взаємозв'язок між революційними діями і виборами в історичному контексті. Показано, що події останніх двох років, пов'язані із проведенням виборів у різних країнах, викликали до життя нові тенденції, що відбивають ускладнення зв'язку виборчого процесу та соціального протесту. Виділено сучасні тенденції взаємозв'язку виборів та масових протестних акцій, що виявилися у 2011–2012 роках у світовому політичному просторі. Особливу увагу приділено ролі електронної демократії в реалізації конфліктного потенціалу суспільства в період виборів.

**Ключові слова:** вибори, соціальний протест, політичні партії, революція, електронна демократія.

**Ismail Baykhanov**

Ph.D. in Politics, The Chairman of the Election Commission of the Chechen Republic, Russia

**ELECTIONS AND A SOCIAL PROTEST: MAIN TENDENCIES OF INTERCONNECTIONS**

**Abstract.** In the article the interrelation between revolutionary actions and elections in a historical context is analyzed. It is shown that the events of last two years connected to elections in the different countries have called to life the new tendencies reflecting complication of connections between the election process and the social protest. Modern ways of elections and mass protest actions interlinking which occurred in 2011–2012s in the world political space are allocated. The special attention is given to a role of electronic democracy in realization of conflict society potential in periods of elections.

**Key words:** elections; social protest; political parties; revolution; e-democracy.

**Постановка проблемы.** События последних двух лет, связанные с проведением выборов в разных странах, позволяют увидеть несколько новых тенденций, отражающих усложнение связи избирательного процесса и социального протеста. Этот протест все активнее выплескивается в Интернет-пространство, а потому требует внимания власти и гражданского общества к развитию электронной демократии.

**Анализ последних исследований и публикаций.** В современном мире актуализируется проблема признания результатов избирательного процесса и формирования органов государственной власти на основе международных избирательных стандартов и их реализации в законодательстве о выборах и правоприменительной практике. Международное сообщество признало одним из основных прав человека право на участие в управлении страной посредством свободных справедливых выборов, проводимых периодически на основе всеобщего равного права при тайном голосовании, и выработало ряд стандартов в этой области [1]. Существенным шагом в развитии международно-правовых норм стали рекомендации по анализу законодательной базы выборов [2].

Имплементация международных стандартов в законодательство о выборах и практику избирательного процесса является необходимым условием легитимации избирательного процесса, обеспечения конституционных избирательных прав граждан. Легитимность публичной власти – это социальное признание ее права на руководящую роль в обществе. Государственная власть не может рассчитывать на длительное существование и эффективную деятельность, полагаясь только на принуждение. Не-

обходимо добровольное согласие большинства законопослушного населения. При этом основной предпосылкой добровольного согласия является уверенность народа в том, что представители власти с полным основанием занимают свои посты, что они вырабатывают и претворяют в жизнь свои решения в сфере законных, жизненно важных интересов общества. Там, где легитимность власти не бесспорна, воцаряется беззаконие и опасность революционных потрясений [3, с. 113–114].

**Цель статьи** – выделить основные модели взаимосвязи выборов и революций в разных странах, показать изменение мотивации участников современных протестных акций, определить современные тенденции взаимосвязи избирательного процесса и социального протеста, которые проявились в 2011–2012 годах.

**Основные результаты исследования.** Исторический опыт подтверждает наличие связи между революционными событиями и выборами. Впервые такая связь была отмечена в период Французской революции XVIII в. Старт волне социальной активности был дан решением создать в апреле 1789 г. Генеральные штаты. Избирательное право получили все французы, достигшие 25-летнего возраста, имевшие постоянное место жительства и занесенные в списки налогов (последнее ограничение исключало из избирательного права значительное число бедных граждан). Вскоре после открытия заседаний Генеральных штатов депутаты от третьего сословия, поддержанные низшими слоями духовенства и дворянства, провозгласили себя Национальным собранием. И все это сопровождалось беспрецедентными волнениями по всей стране – в Марселе, Тулоне, Орлеане, а к концу апреля восстание

охватило предместья Парижа. Хотя все последующие события этой революции уводили социальный протест от выборов в Генеральные штаты, история образования сначала национального собрания, а затем и Учредительного оказала влияние на формирование представлений о том, что выборы в такое собрание должны закрепить результаты революции.

Это отразилось и во Всероссийском учредительном собрании, избранном осенью 1917 г., и в Веймарском учредительном собрании после Ноябрьской (1918 г.) революции в Германии. Если в XVIII в. выборы предшествовали революции, то в России и Германии начала XX в. их организовали, чтобы созвать орган, который должен был закрепить итоги революционных перемен. Однако названные две модели взаимосвязи выборов и революций не исчерпывают всех вариантов.

Третья модель проявилась в странах Восточной Европы, где после «бархатных революций» 1989 г. в избирательном процессе возникло социальное движение, подобное «качающимся полюсам». Общество то принимало, то не принимало постсоциалистические трансформации, что отражалось на итогах голосования, в котором победу попеременно одерживали как сторонники, так и противники политики активных преобразований. Четвертая модель соотношения выборов и революций стала очевидной сначала в ходе «цветных революций», а затем в революционных порыве «арабской весны».

Выделяя такие модели, надо учитывать множество нюансов. В отличие от первых двух моделей в современных процессах у участников протестных акций преобладает другая мотивация, исходящая из неверия в то, что правящие силы вообще способны организовать честные выборы, а кандидаты являются некоррупцированными. Еще один мотив, с вариациями повторяющийся в каждом революционном движении, относится к задаче расширения области прав человека. Иногда для этого требуется избрать новый орган власти, а порой сами итоги голосования указывают на изменение границ этого поля. Отметим, что речь может идти о правах человека в целом, а может – о правах определенных групп: этнических, религиозных, региональных, гендерных.

Характерная черта взаимосвязи выборов и революций последних лет состоит в том, что она все больше проявляется не в волновой форме, когда после подъема социальной активности наступает время откатной волны, а в форме «афтершоков»<sup>\*</sup>. В контексте такой аналогии выборы и всплеск массового недовольства их итогами могут быть сравнимы с «форшоком» (малое землетрясение, которое порождает более сильное и связано с ним общим временем и местом). Проведение параллели между революциями и землетрясениями является достаточно точным, поскольку по социальной карте мира не менее густо, чем по его геологической карте, протянулись линии трансформных разломов, свидетельствующих о возможности возникновения крупных социальных потрясений. Такую угрозу довольно четко улавливают ведущие мировые эксперты. В 2009 г. под эгидой исследовательских центров Программы развития ООН (ПРООН) был реализован исследовательский проект с целью выработки методики проведения выборов и предотвращения конфликтов [4]. То, что исследование охватило многие регионы мира, указывает на глобальность проблемы эскалации конфликтного потенциала во время выборов. Отсюда представляется целесообразным пройти по этой карте, выделив особенности связей выборов и революций не просто новейшего времени, а весьма сжатого политического периода.

Сужение хронологических рамок дает возможность более отчетливо представить проблемы взаимосвязи вы-

боров и форм социального протеста, которые определены национальными особенностями политической культуры, условиями открытости или закрытости политической системы, влиянием экономической ситуации в самой стране и последствиями мирового экономического кризиса. Для того чтобы наше сравнение социальной и геологической карт было оправданным, для анализа важно вычленил события, которые отражают рост социальной напряженности, проявляются в требованиях выборов или оценках результатов голосования и происходят в узкий период времени. Мы считаем, что его следует ограничить 2011–2012 годами, поскольку именно в это время, в процессе афтершоков «арабской весны», начали формироваться многие новые тенденции. Однако следует отметить, что территория, охваченная социальным недовольством, выходит далеко за рамки части арабского мира, где состоялись эти революционные перемены.

Исследуя карту выборов, проходящих в разных странах и регионах, продвигаясь по ней с Востока на Запад, выделим некоторые тенденции, которые свидетельствуют о возросшем внимании избирателей к чистоте не только организации самих выборов, но и политических сил, отвечающих за их проведение. *Первую тенденцию*, на наш взгляд, можно проиллюстрировать на примере Южной Кореи, где во время выборов законодательной национальной ассамблеи в апреле 2012 г. оказался востребован американский опыт «Уотергейта», хотя он и не вписывался в корейскую политическую культуру. Подобные реакции на действия властей вполне объяснимы наличием общих причин, связывающих выборы и социальный протест, который может и не достигать революционного уровня, но в определенной степени предвещать его [5].

*Второй тенденцией* является повышение митинговой активности. Так, в конце апреля 2012 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) прошел многотысячный митинг, участники которого требовали реформирования избирательной системы, проведения честных и прозрачных выборов. Эта протестная акция стала одной из самых массовых в стране за последнее десятилетие. Малазийский парламент принял несколько законов, реформирующих избирательные процедуры. Этот факт заставляет обратить внимание на то, что если массам предлагаемые властями меры по реформированию избирательной системы кажутся незначительными, то они в состоянии поддерживать протестные действия и наращивать градус недовольства.

*Третья тенденция* указывает на то, что соперничающие стороны при определенных обстоятельствах, как внутривнутриполитических, так и внешних, готовы идти на компромисс. В Мьянме допуск оппозиции к парламентским выборам не угрожал власти военных, но он дал возможность вывести страну из режима международных санкций и избрать депутатом парламента лидера оппозиционной Национальной лиги за демократию (НЛД) Мьянмы, лауреата Нобелевской премии мира (1991 г.) Аун Сан Су Чжи. Несмотря на то, что допуск оппозиции к парламентским выборам является в значительной мере символическим шагом со стороны бирманских властей, они отдают отчет в том, что снятие наложенных на Мьянму международных экономических санкций необходимо, так как за годы нахождения в блокаде страна фактически превратилась в экономический протекторат Китая. Однако если из Вашингтона не поступит однозначного сигнала, правительство и оппозиция способны снова вернуться в режим жесткой конфронтации. В итоге выборов НЛД оппозиция из несистемной превращается в системную и получает официальную трибуну [6].

*Четвертая тенденция* проявилась, в частности, в Ираке, где акции протеста в марте 2012 г. были приурочены к годовщине парламентских выборов. Свидетельством отката в доверии членам правительства и депутатам парламента стал вымазанный чернилами поднятый кверху указательный палец. Это было сделано по аналогии с процедурой организации выборов, когда иракцев допускали к голосованию только в том случае, если они обмак-

\* Афтершок (англ. *aftershock*) – повторный сейсмический толчок, меньшей интенсивности по сравнению с главным сейсмическим ударом.

нут палец в несмываемые чернила, чтобы оставить отпечаток в списке избирателей о получении бюллетеня (цель – исключить повторное голосование). Однако в отличие от выборов, где использовались синие чернила, для акций протеста выбраны черные чернила. Все это говорит о том, что организаторы подобных акций прекрасно понимают, сколь большую роль в их успехе играет политическая символика, использование цветowych, звуковых и иных индикаторов.

*Пятая тенденция*, которая также обнаружилась в Ираке, касается участия в них молодежи. Так, инициатором демонстраций во время выборов 2012 г. выступила молодежная организация, в которую объединились 29 групп, представляющих различные города и районы Ирака. К молодежным акциям присоединился профсоюз иракских рабочих, требующих повышения уровня оплаты труда и снижения пенсионного возраста.

И все же если выделять страну, в которой самым тесным образом переплелись революционные события и история выборов, то, в первую очередь, следует назвать Египет, где разворачивается один из самых запутанных революционных сценариев. Казалось, парламентские выборы в ноябре 2011 г. могут стать консолидирующим процессом для разношерстного общества, началом пути от стихийных бунтов площадей и улиц к построению демократического государства [7]. Верховный избирательный комитет зарегистрировал почти 9 тыс. независимых кандидатов и допустил к выборам более 40 политических организаций. Накануне голосования Высший совет вооруженных сил внес ряд поправок в закон о выборах. Часть из них направлена на то, чтобы ограничить вхождение в парламент сторонников бывшего президента Мубарака. Другие изменения предполагали тюремное заключение сроком до пяти лет за нарушения, выявленные на избирательных участках (подкуп или запугивание избирателей, похищение или подделка бюллетеней). Введены штрафные санкции для тех, кто не захочет принять участие в голосовании без уважительных причин. Однако механизм действия этого закона невнятен, возможно, он был принят в целях мобилизации граждан, особенно не очень грамотных. Между тем именно этот закон обеспечил победу «Братьев-мусульман». Египетские военные заявили, что намерены взять под жесткий контроль подготовку новой Конституции и работу будущего парламента страны, для чего намеревались создать специальный орган. Но это чревато конфликтом между армией и «Братьями-мусульманами», которые ранее требовали, чтобы генералы ушли с политической арены сразу после начала работы парламента [8].

Итоги выборов в Египте подтвердили *шестую тенденцию*: в Северной Африке и на Ближнем Востоке набирает силу стремление к изменению, и причем радикальному, политического спектра. На ведущие позиции в политической сфере претендуют силы, которые долгие годы находились в подполье и были фактически лишены права голоса и каких-либо возможностей участвовать в политической жизни своих стран, а потому нередко продвигали свои взгляды с помощью методов, далеко не демократических. Успех этих партий на выборах определяется тем, что они долгое время были запрещены и преследовались властями. Следует заметить, что существенную роль в убедительной победе исламистов сыграли внешние игроки: кампании фундаменталистов финансировались Саудовской Аравией, Ираном и Катаром [9].

*Седьмая тенденция* – усиление этнополитической компоненты конфликта. Когда говорят о политическом пробуждении Африки, то учитывают и развитие электоральной культуры Черного континента. Во-первых, для региона Центральной Африки важно решить проблему разделенных народов и несоответствия существующих государственных границ этнической структуре. Во-вторых, политическая культура региона в чем-то близка к культуре бывших метрополий, хотя все более и более отделяется от нее. О таком процессе можно судить по вы-

борам президента и парламента Демократической республики Конго (бывший Заир) [10]. Четвертым президентом страны в 2001 г. стал Ж. Кабила, который после убийства своего отца пришел к власти благодаря руандийским тутси, действующим через своих единоплеменников в самом Заире. После победы в 1997 г. Кабила-старший решил отдалить тутси от власти. Указ о расформировании частей конголезской армии, укомплектованных тутси, и высылке из страны всех иностранных военных привел к кровопролитной Второй конголезской войне (1998–2002 гг.), которую африканисты часто называют «африканской Первой мировой». В нее были вовлечены фактически все международно признанные государства Центральной Африки. В состав «Антиконговской коалиции» вошли государства, где тутси, хоть и не составляли большинства населения, но держали власть (Руанда, Уганда, Бурунди). В поддержку Конго выступили с оружием в руках Намибия, Зимбабве, Ангола, Чад и Судан. Сейчас эскалация насилия в Конго может вызвать возобновление межэтнической войны в масштабах всей Экваториальной Африки.

*Восьмая тенденция*, проявляющаяся в сопряженности социального конфликта и выборов, связана как с региональной, так и субрегиональной спецификой. В Европе, где причиной массовых выступлений стал глубокий экономический кризис, больше проблем обнаружилось на юге региона. Например, в Греции по итогам парламентских выборов (июнь 2012 г.) ведущим партиям не удалось набрать достаточного для формирования коалиционного правительства количества голосов. Тревожным представляется то, что впервые в парламенте прошло неонацистское движение «Золотая заря», а также еще шесть других партий, отвергающих жесткую бюджетную политику, что значительно усложнит реализацию программ, согласованных греческим правительством с тремя основными кредиторами [11]. Во Франции с поражением Николя Саркози и победой Франсуа Олланда на президентских выборах в мае 2012 г. многие аналитики высказывали предположения о серьезной корректировке европейской составляющей внешней политики страны. Возможно, подобные ожидания объясняются не только пониманием отличий в политических платформах кандидатов в президенты, но и того, что в Европе время выборов превращается в период социальной нестабильности.

*Девятая тенденция* состоит в том, что выборы позволяют измерить глубину конфликтного потенциала как на общенациональном, так и на местном уровне. Внимание к результатам муниципальных выборов определяется их важностью не только для оценки ситуации в отдельных территориях, но и для выявления формируемых политических предпочтений. В этой связи, несомненно, показательными являются административные выборы в Италии. Они продемонстрировали, во-первых, что страна больше не хочет Берлускони, устала затягивать пояса в ожидании экономического чуда от Монти и, во-вторых, что успех обеспечен политикам-полулистам, выступающим с идеями «антиполитики», как, например, уличный комик Беппе Грилло. Все указывает на то, что общей тенденцией для стран Евросоюза становится рост популярности ранее маргинальных партий [12].

Протестная волна, связанная с итогами выборов, прокатилась и по постсоветскому пространству, на котором еще совсем недавно выборы были отмечены «цветными революциями». Исследователи почти единодушно в том, что «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» в Украине – это «цветные революции». Некоторые специалисты относят к таким видам протеста и «бульдозерную революцию» в Югославии. Следует обратить внимание на то, что за последние два десятилетия в постсоветском регионе выросло новое поколение, которому не столь важно, кто победит на выборах, главное, чтобы они проходили честно. И этот аргумент приводится многими участниками оппозиционных выступлений в разных частях постсоветского пространства, он же сплывает

сторонников оппозиции и за пределами этого пространства. Солидарный протест по поводу выборов в России выражали соотечественники, проживающие в разных странах.

Наиболее активно он проявился в пространстве Интернета, что можно считать *десятой тенденцией* развития взаимосвязи выборов и акций протеста. Хакеры, называющие себя представителями российского крыла движения *Anonimus*, провели в мае 2012 г. атаки на сайты государственных структур, сообщив о них заранее в видеоролике. В нем говорилось, что, атаковав сайты Правительства России и премьер-министра, *Anonimus* таким образом выразят свою поддержку «массовой демонстрации против нелегитимных выборов».

Генеральный директор *Google* Э. Шмидт (*E. E. Schmidt*) и директор *Google Ideas* Дж. Коэн (*J. Cohen*) считают, что мы живем в «эру цифрового разрушения». В статье, опубликованной в 2010 г. в журнале *Foreign Affairs*, они пишут: «Появление и стремительный рост значения коммуникационных технологий, которые дают людям доступ к огромным массивам информации и соединяют друг с другом, означает, что XXI век будет полон сюрпризов. Правительства окажутся застигнутыми врасплох, когда толпы горожан, вооруженных только мобильными телефонами, начнут протесты и бросят вызов власти (в новый век разделения властей никто не может двигать прогресс в одиночку)» [13].

В том, что протест в период выборов приобретает характеристики виртуальности, мы видим проявление еще одной важной тенденции: выборы всегда могли мобилизовать наиболее востребованные, отвечающие духу эпохи средства массовой информации. Например, в период студенческих протестов 1960-х гг. в США довольно распространенным источником стали университетские издания.

В первые годы постсоветской России такими источниками были газеты и радио, в наше время – электронные СМИ. Однако нельзя не учитывать, что они могут как формировать культуру электронной демократии (*e-democracy*), так и закладывать основы для дестабилизации системы реальной демократии.

Думается, что предложения по совершенствованию *e-democracy* затронут и проблему организации выборов. И чем больше появится конструктивных предложений, тем меньше будет накал страстей, свидетельствующих о высоком конфликтном потенциале общества в период выборов.

**Выводы.** В самых разных странах общество все настойчивее требует от организаторов выборов их эффективного проведения. Чтобы граждане признали выборы как институт демократии, органам власти следует иметь поддержку избирателей. Для этого необходимо организовать и провести выборы *ответственно* (обеспечив соблюдение закона всеми участниками избирательного процесса), *свободно* (без препятствий), *открыто и прозрачно* (обеспечив свободный доступ к полной, объективной, своевременной и регулярной информации о деятельности избирательных комиссий, политических партий, кандидатов, иных субъектов избирательного процесса), *достоверно* (в соответствии с реальным выбором граждан).

Однако если после выборов власть не проводит необходимые преобразования, то она подрывает доверие граждан к институту выборов. Избиратели, видя имитацию выборов, то есть отсутствие взаимосвязи между участием в выборах и действиями власти, перестают им доверять, возлагая ответственность за положение дел в стране, регионе, муниципальных образованиях, в первую очередь, на власть. Как следствие, снижается избирательная активность, в обществе утрачивается признание выборов как института, мотивация к гражданской инициативе. Это приводит к накоплению противоречий, которые могут находить выход в разных формах общественного протеста.

В конечном счете, выборы эффективны только тогда, когда избранная власть начинает своевременное прове-

дение необходимых реформ. Поэтому легитимные выборы являются, с одной стороны, ресурсом для осуществления реформ, а с другой стороны, важнейшим инструментом получения доверия граждан к власти.

### Литература

1. Международные избирательные стандарты : Сборник документов. – Вып. 2 ; отв. ред. В. И. Лысенко. – М. : ЦИК РФ, 2009. – 1248 с.
2. Рекомендации по анализу законодательной базы выборов. – Варшава : Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, 2001. – 67 с.
3. Шаран П. Сравнительная политология : в 2-х ч. Ч. 1 / П. Шаран ; пер. с англ. – М. : Российская академия управления, 1992. – 226 с.
4. UNDP's Bureau for Development Policy. Elections and conflict prevention; 2009 [Electronic recourse]. – Accessed mode : [www.undp.org/governance/](http://www.undp.org/governance/)
5. Скосырев В. Призрак «Уотергейта» бродит по Сеулу / В. Скосырев // Независимая газета. – 2012. – 11 апреля.
6. Скосырев В. Успех оппозиции в Мьянме / В. Скосырев // Независимая газета. – 2012. – 3 апреля.
7. Снегирев В. Египет встал в очередь / В. Снегирев // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2011. – 29 ноября.
8. Сурков Н. Египту предлагают военную демократию / Н. Сурков // Независимая газета. – 2011. – 9 декабря.
9. Строганова Е. Зеленеет Восток / Е. Строганова // Профиль. – 2012. – № 2(750). – 23 января.
10. Зубков К. Конго между Первой и Второй мировой / К. Зубков // Известия. – 2011. – 28 ноября.
11. Фещенко В. Укрощение популизма / В. Фещенко // Российская газета. – Столичный выпуск. – 2012. – 8 мая.
12. Пушкарская Е. Комедия пожеланий / Е. Пушкарская // Коммерсантъ-Власть. – 2012. – № 20.
13. Брэнсон Р. Мы живем в глобальной деревне / Р. Брэнсон // Независимая газета. – 2012. – 15 мая.

Статья поступила в редакцию 10.03.2013

### References

1. *International Electoral Standards* (2009). (2nd ed.). Moscow: CEC RF (in Rus.).
2. *Recommendations to the Juridical Base of Elections Analysis* (2001). Warsaw: The Bureau for Democratic Institutes and Human Rights of OECD. (in Rus.).
3. Sharan, P. (1992). *Contemporary Politics* (In 2 parts, part 1). Moscow: Russian Academy of Management (in Rus.).
4. UNDP's Bureau for Development Policy (2009). *Elections and Conflict Prevention*. Accessed mode : [www.undp.org/governance/](http://www.undp.org/governance/)
5. Skosyrev, V. (2012, April 11). The Ghost of «Watergate» walks in Seoul. *The Independent Newspaper* (in Rus.).
6. Skosyrev, V. (2012, April 3). The success of opposition in Myanmar. *The Independent Newspaper* (in Rus.).
7. Snegirev, V. (2011, November 29). Egypt is in line. *The Russian Newspaper* (in Rus.).
8. Surkov, N. (2011, December 9). The military democracy is proposed to Egypt. *The Independent Newspaper* (in Rus.).
9. Stroganova, E. (2012, January 23). The East is green. *The Profile*, 2(750) (in Rus.).
10. Zubkov, K. (2011, November 28). Congo between the First and the Second World Wars. *Izvestiya* (in Rus.).
11. Feschenko, V. (2012, May 8). Calming populism down. *The Russian Newspaper* (in Rus.).
12. Pushkarskaya, E. (2012). The comedy of requests. *Kommer-sant-Vlast*, 20 (in Rus.).
13. Branson, R. (2012, May 15). We live in the global village. *The Independent Newspaper* (in Rus.).

Received 10.03.2013